

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК

В связи с приближающимся единым днём голосования, 8 сентября, в обществе циркулирует избыток негативной энергии. Здесь и лесть, и обвинения, и ущемлённость, и самовосхваление, и вообще много всего такого, что в обычные дни не бросается в глаза, а сейчас расцвело пышным цветом. Впрочем, выборы или не выборы, а самоочищение всегда полезно. Именно с этой целью предлагаю читателю свой рассказ.

СЧАСТЛИВЕЦ

Рассказ

СЕГОДНЯ настроение у старпома превосходное, он взял в рубку ещё один бинокль, и мы независимо друг от друга оглядываем линию горизонта. Небо и море сливаются, и кажется всё вокруг холодным и зябким — предрассветная стынь. На самом деле на крыле мостика, то есть на воздухе, — температура комфорта. Ветерок приятно поглаживает тенниску, и я опять припадаю к окулярам бинокля.

В этой стыни я не надеялся ничего увидеть, и вдруг горизонт искривился и стал подниматься. Он поднялся из воды как гора, потом приостановился и двинулся прямо на нас. По иссиня-белым нисходящим с двух сторон линиям догадался, что это бегущий вал.

— Что это?! — потрясённо кричу и вновь припадаю к биноклю.

В эту минуту я убеждён, что на нас движется цунами, его первая волна-убийца.

— Где, где? — отзывается старпом и, вбжав в рубку с другого крыла мостика, пытается сквозь панорамное окно увидеть предмет потрясения.

Боже, что это?! Голубовато-белые огненные пряди завиваются в бегущие, раздуваемые ветром локоны. Я вновь отнимаю бинокль, и всё моё существо вопрошает ответа. Старпом удивлённо смотрит на меня и с завистью восклицает:

— Эх ты, это зелёный луч, это я его должен был увидеть!

— Правда, что ли?!

Потрясение переменяло меня, мной овладел восторг необъяснимого счастья.

Не зная почему, но это моё состояние стало раздражать старпома. Поначалу я даже не понял, что он раздражён. Стал утверждать, что есть люди — полные дураки.

Им всю жизнь везёт, а они настолько недалёкие, что даже не догадываются, что им везёт. И,

что обидно, вот так всю жизнь и проживут, ничего не поняв и ничего не уяснив.

— Так это же хорошо! — воскликнул я.

И тут старпом сказал, что не меня имеет в виду. Мол, вы, Валерий Губкин, пассажир на один рейс и к тому же писатель. Просто есть такие глупые и такие везучие люди, он их встречал. Если бы не это более чем странное уточнение, возможно бы, не заметил, что он напрягся и покраснел.

— Неужели так важно, кто счастливчик, а кто нет?! Вы почему-то очень сильно покраснели.

Старпом смутился.

— Это вам показалось, это от утреннего солнца, — упирая на «вы», сказал старпом.

— Надеюсь, это не зависть? — спросил весело, всем своим видом демонстрировал лёгкость и незначительность разговора. Более того, как бы от нечего делать вышел на крыло. Чувствовал, что старпом выйдет следом. И не ошибся.

— Почему, поселяя в бывшую каюту шеф-повара, вы не сказали, что он попал в серьёзное «дэтэпэ»?

— А вот потому и не сказал, — неожиданно агрессивно, с нескрываемой враждебностью ответил старпом.

— Не понял, — сказал я.

— Да что же тут непонятного?! Как только вы появились, я сразу заметил — появился счастливчик.

В рейс пойдём по расписанию. И точно. На следующий день, с утра, капитан принял судно, и пошло-поехало, всего на трое суток отстали от графика, а бывало, что и в более рядовых ситуациях задерживались на полмесяца и дольше.

— А при чём здесь каюта шеф-повара?! У вас же и сейчас достаточно пустых кают!

Старпом уткнулся лицом в ладони и засмеялся так тонко и про-

никновенно, как обычно смеются люди, ясно понимающие, что смеются не вовремя, но не смеяться не могут — им смешно.

— Я когда увидел вас, Валерий Антонович, сразу подумал: удружу-ка я ему каюту шеф-повара. Удружу от всего сердца, от всех своих возможностей и посмотрю, проверю, так сказать, свою прозорливость.

Он опять уткнулся в ладони и опять проникновенно засмеялся. На этот раз его смех показался менее привлекательным.

— Ну и как — проверили?

Не отрывая рук от лица, он завидывал и при этом сквозь пальцы подглядывал за мною.

— А-а — мы в театре одного зрителя! — делано засмеялся я (смеяться мне не хотелось).

Старпом отнял руки — доказательством его прозорливости слу-

без задержек — как по маслу, без сучка без задоринки.

— Но я прошу вас вспомнить, как вы меня радушно встретили, как угощали кофе.

— Я... вас — радушно?!

Он опять, вздрагивая плечами, уткнулся в ладони.

Оказывается, радушие, проявленное старпомом, было не чем иным, как хорошей миной. Он и на вахту меня пригласил — чтобы находиться поближе к счастливчику. От них все его невзгоды.

— И ещё, всегда надо держать под контролем дверь, из которой может заявиться начальство.

— А что, они тоже счастливчики?

— Именно, в чистом виде — *начальство*! Корень — *чаль*. Есть такое выражение: *чаль паром к пристани*. А если *на-чальство* без мягкого знака, как у нацменов, то тут уже корень *чал* без всяких прикрас обозначает — причальный канат, цепь. Посадят на цепь — залаешь, как пёс-барбос.

В общем, теорию старпома о счастливчиках я мог бы отнести к несусветной глупости, если бы не знал, что в

основе её — зависть. Спрут, терзающий мозг и сердце. Спрут, пугающий чувством неполноценности. Спрут, от которого навсегда освободил меня неожиданный, врезавшийся в память случай.

Тогда мы жили на Алтае, потому что в Омске остаться не могли. Не было никаких оснований. То есть основания были. У меня в Омске жили родители, сестра и брат. У жены — мама и сёстры — в городе Тара Омской области. Но после института главным основанием трудоустройства являлось направление на работу, и мы осели на Алтае.

Сколько себя помню, всегда писал стихи. До армии довольно часто печатался. А после — как отрубил. Особенно после Дня поэзии в Политехническом.

В какую редакцию ни обращусь — отказ.

Мы тогда уже переехали из Рубцовска в Барнаул и выменяли квартиру как раз напротив огромного здания всевозможных контор, как сейчас бы сказали — офисов. В нём разместились книжное издательство и редакция альманаха «Алтай».

Очень хорошо помню тот весенний день. Листочки на тополях реденькие, кроны прозрачные, а солнце гонит сок жизни с такой силой, что, стоя под деревом, чувствуешь, как земля шевелится.

Идти в издательство не хотел, но позвонили — надо, всего на минуту. О, как чувствительно ценят в издательстве моё бесценное время!

В Сибири борьба за жизнь постоянна. Чуть погожий денёк — природа неистовствует, спешит запечатлеть себя в каждой канавке, в каждой рытвинке, в каждом бугорке. Вполне возможно, что завтра внезапно ударит мороз. И сегодняшняя птичка, расправившая крылышки, упадёт наземь и разобьётся — превратится в пуховый мячик, подхваченный змеистой позёмкой. Так и люди — всегда должны быть готовы ко всему.

В сущности, я был готов, что мне вернут рукопись. До армии предлагали издать книжку стихов, а после армии — отказ. Ни прежние стихи, ни новые, никакие не годятся. Что-то произошло в мире, в стране, в окружающей действительности, а я не заметил — остался прежним.

На лестнице встретился с Леонидом, работником типографии. Лицо смуглое, удлинённое, густой вьющийся волос, словно шапка. Леонид в модном кофейном костюме под цвет светлокариных глаз — красавец. Весь светится от внутренней полноты жизни. Хлопнул по плечу.

— Привет, старик!

А я в самом деле как старик, хотя мы ровесники. Под мышкой увесистая папка с отвергнутыми стихами. На мне заносенный габардиновый костюм с открытыми одуловатыми карманами, причём совершенно пустыми. И внезапная дикая мысль — какой я походкой иду, вальжной или не очень? Вальжная походка была бы сейчас весьма кстати, но она присуща людям солидным, представительным. На какое-то мгновение увидел себя со стороны. Мне кажется, что увидел неудачника, косящего под непризнанного гения. Гений рассеянно внимает говорливому роднику, сверкающему солнечными бликами, и внезапно останавливается как вкопанный. Леонид опять хлопает по плечу.

— Тебе куда?

Мой дом рядом, через дорогу. Я вновь как бы со стороны наблюдаю непризнанного гения, вальжно поднимающегося по лестнице. Гений входит в свою пустую квартиру и машинально кладёт рукопись на стол. Всё — воображение отключается, одиночество слишком тягостно своей пустынною.

Леонид подходит к новенькой кофейного цвета «Ладе». И я наконец-то начинаю понимать, что «ноль-шестёрка» — это его личные «Жигули».

— Мне до Нового рынка, — говорю с придыханием, потому что представительность и солидность, свойственные вальжности, покинули меня.

Вообще-то я не из тех, кто склонен завидовать. Мой отец говорил — никогда не делай плохого, плохое само выскакивает из-за угла.

жит зелёный луч, который предназначался ему (его вахта), а луч достался пассажиру, которого он пригласил на свою вахту, даже не зная для чего.

— Несправедливо, очень несправедливо! — утверждаясь в своём, сказал старпом.

За свою жизнь он повидал столько счастливчиков — не счесть. У него нюх на счастливчиков, он их не переваривает. Старпом опять отметил, что не меня имеет в виду. Например, недавно он надеялся уйти в отгулы, всего на несколько дней, чтобы съездить к семье (у него семья в Краснодаре). Ему в МСС, Морской судовой службе, пообещали, что, если в течение недели они не загрузятся, его отпустят. И тут появляется счастливчик, и всё идёт

Я сажусь рядом с Леонидом на переднее сиденье, потому что на заднем лежат цветы. Я не могу представить, где он взял два таких пышных букета тёмных роз. Из приоткрытого бардачка на меня смотрят три головки армянского коньяка. Когда-то доводилось — и мы пивали, хотя и не Чёрчилли. Хороший коньяк, от него никогда не болит голова, одно слово — армянский.

Говорливый родник звенит, сверкает. Оказывается, Леонид только сегодня вернулся из Омска. Там построили новый полиграфический комбинат, и ему предложили место заведующего производством. Уже и трёхкомнатную квартиру дали, в кирпичном доме, рядом с кинотеатром «Маяковский».

Рядом с «Маяковским» — это же центр Омска, там старая областная библиотека и новая недалеко!

Всё, что говорит Леонид, похоже на фантастику. Ему двадцать шесть лет: у него новенькая машина, работа на лучшем полиграфическом комбинате Западной Сибири и трёхкомнатная квартира в центре города. Лично мне такое может только присниться.

Леонид сказал, что слышал, как обсуждали мою рукопись. То есть не обсуждали, директор сказал, что *оттепель* потому что *оттепель*, что кратковременна. Скоро такие крещенские морозы ударят, что градусники полопаются.

— Иносказательно выразился, но про твою рукопись прямо сказал: надо вернуть, пусть дорабатывает, предела совершенства нет.

Леонид посмотрел в зеркальце и, притормозив, остановился.

— Новый рынок.

Высадив меня, он немного проехал и вновь остановился. Я увидел двух девушек, подбежавших к нему. Это были очень красивые девушки: стройные, длинноногие и улыбчивые. Уж кто-кто, а я чувствую женскую красоту и сужу о ней со знанием дела.

Девушки, щебеча как птички, сели в машину и, хлопнув дверцами, покатали с Леонидом. Они покатали, а я вальяжной походкой пошёл к остановке.

На перроне трамвая толпились какие-то полураздетые пассажиры. Никто из них никогда не слышал, что на трамвай надо занимать очередь. В битве за транспорт едва не лишился рукописи. Но всё обошлось, даже досталось место возле двери за металлическими стойками.

Итак, предела совершенства нет. Судя по всему, рукопись вер-

нули навсегда. А у него, у Леонида, «Жигули» самой лучшей модели. Впрочем, что «Жигули», у тебя всё равно нет прав. А квартира в центре Омска?! А цветы и коньяк?! А девушки?! Настоящие красавицы. Они даже не взглянули на тебя, хотя ты на глазах у них вылез из машины, которую они ждали. Несправедливо, очень несправедливо. И тут никакая революция не поможет. Допустим, сегодня вы всё экспроприировали у везунчиков и поровну поделили между собой. А завтра им опять повезёт и по лотерейным билетам, и потому что они умнее некоторых. И как же быть с лозунгом «грабь награбленное» — не подходит. То есть подходит для закоренелых грабителей.

Вообще-то я не из тех, кто склонен завидовать. Мой отец говорил — никогда не делай плохого, плохое само выскакивает из-за угла. У Юрия Карловича Олши есть роман «Зависть». Роман с первых страниц весьма примечателен — объект зависти сидит в туалете, а ему завидуют. Как он, оправляясь, поёт, как смывает содержимое клозета, как дёргает цепочку сливного бачка. Только ступи на эту дорожку — можно раствориться, исчезнуть в зависти.

В общем, я знал, что зависть — плохое чувство, но тут словно затмение нашло. Мало того, что завидовал. Выискивал всякие зацепки, чтобы зависть сильнее цепляла, чтобы уже не было никакого выхода. Терзал себя по-

полной программе, как мазохист какой-нибудь. Возле меня стояла женщина (предлагал ей своё место), вдруг наклонилась и посочувствовала:

— Кости ноют?! Это тепло обманчивое, завтра похолодает.

— То есть могут ударить крещенские морозы?! Ну, не крещенские — по-настоящему зимние?!

Таким нехитрым способом пытался выведать (тоже иносказательно) — прав ли директор, вернув рукопись.

Судя по погоде — не рисковал. Но в этом мире нет никакой логики.

Итак, предела совершенства нет. Судя по всему, рукопись вернула навсегда.

— Вполне, вполне — завтра ударят морозы, — утвердительно кивнув, сказала женщина.

И сразу вокруг все оживились и возмущённо заговорили:

— Вы что несёте, гражданка?! Какие морозы?! Вы что здесь сеете панику?!

Гражданка испугалась, стала оправдываться. Мол, у молодого человека кости ломит — он, бедный, аж стонет.

Боже мой, с каким непередаваемым удовольствием и алчностью все переключились на меня. Нет, не переключились — набросились, как голодные волки.

— Это у него-то, молодого, кости ломит?! Не смешите! Сидит и придуряется, стонет, чтобы с места не согнали?! Знаем, знаем мы, почему у молодых жеребцов кости ломит.

В трамвае засмеялись. Я тоже усмехнулся. Их возмущение и грубые остроты были мне на руку. Выходило, что большинство простого народа убеждено — никаких морозов не будет, а стало быть, издательство напрасно отвергло мои стихи. Странно получилось (иносказательно, конечно), женщина на моей стороне, защищает, а на самом деле — топит. Народ изо всех сил гнобит меня, рвёт на куски, а получается — спасает. Ориентирует, что никаких морозов не будет, не надо меняться — рукопись ещё понадобится. Это с виду ни в чём нет логики — логика есть во всём. Даже в том, в чём нет логики.

— Смотрите, смотрите, как он ухмыляется?!

Общество вновь стало возмущаться. Мне ничего не оставалось — протиснулся к двери. Однако вырваться из объятий трамвая было не так-то просто. На ступеньке споткнулся и вынужденно пробежал несколько метров. И сразу сонм едких реплик — в спине о моей чрезвычайной резвости.

Придя домой, спрятал рукопись и неожиданно почувствовал облегчение: не надо думать, напечатать или нет. Лежит себе в ящике стола и лежит. Не надо ни на что отвлекаться — трудись.

Как-то отчётливо представил, что в работе у неизвестного писателя есть весомые преимущества перед писателем известным. О неизвестном никто ничего не знает и не представляет, что он корпит, сочиняет свои нетленки. И никто ему не завидует.

И вот только что я подумал об открывшихся преимуществах — сейчас же вспомнил и о своём «мазохизме», и о Леониде. Решил, что при случае расскажу ему — вместе посмеёмся. Решение успокоило, на душе отлегло, и я позабыл обо всём. И писалось мне тогда необыкновенно хорошо и легко.

Целую неделю никуда не выходил. И ещё бы сидел взаперти, но позвонил редактор альманаха. Сказал, что отпечатан очередной номер, а в нём — мои первые рас-

сказы. Таким способом отреагировал на отвергнутую рукопись. Меня это тронуло, и я пошёл в альманах, в технический отдел, чтобы взять авторский экземпляр.

На улице было тепло, сеял мелкий дождь, словно ветер шумел в листве. Я был счастлив.

Бегом пересёк улицу, пробежался по лестнице, постучал в кабинет, а там две дамы — Рита и Галя. Сидят в плащах, понурые. Я, конечно, обратил внимание на их унылый вид, но особенного значения не придал.

— Хватит кукситься, этот дождь — к удаче. Есть такое поверье: первый весенний дождь — обязательно к счастью.

Они посмотрели — молчаливо и жалостливо, как на больного. Рита выдвинула ящик стола — подала журнал. Дама явно не хотела разговаривать, а раньше всегда сами вовлекали в разговор. Молча уйти не смог. Сказал — чтобы хоть что-то сказать, мол, недавно видел их коллегу, Леонида. Вот уж повезло парню так повезло, редкий счастливчик, получил квартиру в центре Омска. А какие букеты тёмно-красных роз...

— Не надо! — вскрикнула Рита, а Галя спросила: — Вы что, ничего не знаете?

Они с Ритой только что приехали с кладбища — похоронили Леонида. Они — Леонида?! Весть оглушила — меня будто ударили обухом. Почувствовал в темени треск ломающихся игл.

Леонид умер три дня назад во сне. Умер от инфаркта. Говорить что-либо счёл кошмарным и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

Сейчас ты придёшь домой. Уютно устроишься на диване и как ни в чём не бывало начнёшь листать журнал со своими рассказами. А Леонид умер, похоронен. Ты будешь читать рассказы — а его нет, ты больше никогда не сможешь ему позавидовать. И вдруг я словно заглянул в пропасть. Он там, а ты здесь. Хотел бы ты лечь в его могилу? Нет. И ещё раз — нет. И ещё тысячу раз — нет.

Но ты завидовал! Ты примерял его судьбу на себя, она казалась тебе замечательной. Ты не прочь был надеть её на себя как кофейный костюм.

Я был глуп, недооценивал себя. Не понимал, что судьба у каждого своя и чужую судьбу не возьмёшь напрокат. Никогда-никогда не буду завидовать. Все эти разговоры о белой зависти, что она полезна, — глупость. Нет белой зависти. Есть просто зависть. Именно она мешает радоваться чужому успеху. Успеху без оговорок, что белая зависть якобы побуждает к здоровому соревнованию. Посоревнуйтесь с Леонидом — счастливым.

Всё это я рассказал старпому. Он долго молчал, хмурился. Ушёл в штурманскую, шелестел морскими картами. Потом вышел и спросил:

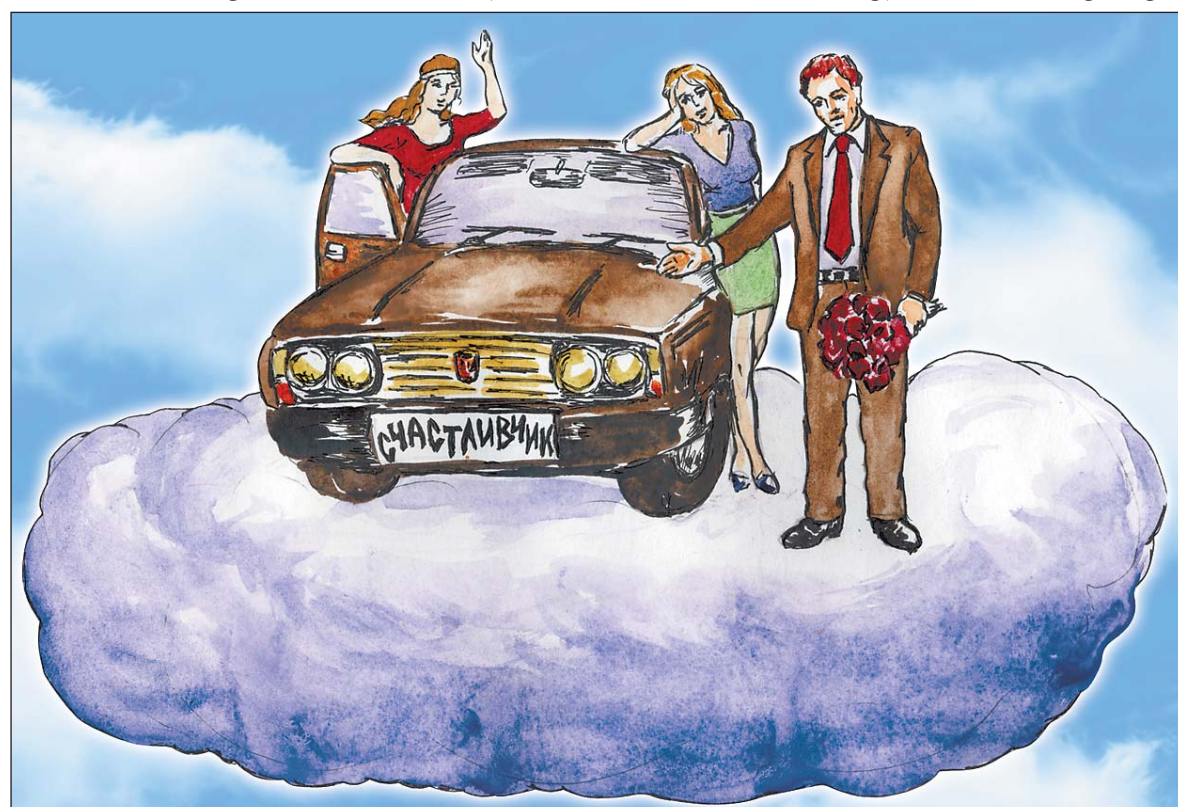
— В каком костюме похоронили Леонида? В кофейном или каком-нибудь другом?!

— Какое это имеет значение?! — досаду, сказал я.

— Очень и очень большое, — возразил мне старпом и погрузился. — Наверное, он захотел бы в кофейном.

Август, Крым, п.г.т. Черноморское

Виктор СЛИПЕНЧУК
Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

Рисунки Александра ДАНИЛКИНА